

DOI: 10.31857/S086919080016330-0

ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВЕТСКИХ СВЯЗЕЙ С КОММУНИСТИЧЕСКИМ ДВИЖЕНИЕМ ИНДИИ В 1960-е гг.: ОТ БОРЬБЫ С «ПРОКИТАЙСКИМИ СЕКТАНТАМИ» К ПОДДЕРЖКЕ ЕДИНСТВА ЛЕВЫХ СИЛ

© 2022

И.Б. СПЕКТОР ^а

^а – ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
ORCID: 0000-0003-3124-6938; spektorilya93@gmail.com

Резюме: При изучении истории Коммунистической партии Индии (КПИ) важно учитывать как её деятельность в период борьбы за независимость страны, так и последующую роль в качестве главной оппозиционной силы во время нахождения у власти правительства Дж. Неру. К началу 1960-х гг. КПИ по абсолютному числу голосов избирателей опережала все коммунистические партии мира, когда-либо участвовавшие в конкурентных выборах. В начале 1960-х гг. «правая» и «левая» фракции партии вступили в острый конфликт, завершившийся формированием отдельной Коммунистической партии Индии (марксистской), которая вскоре стала превосходить КПИ по политическому влиянию. Основные причины раскола заключались в различном отношении разных групп индийских коммунистов к Индийскому национальному конгрессу и к возможности оказания поддержки индийскому правительству. Вместе с тем к обострению конфликта внутри КПИ и к ее расколу в 1964 г. привели и внешние обстоятельства, особенно индийско-китайский пограничный конфликт и последовавшее за ним ухудшение отношений между СССР и КНР. На начальном этапе конфликта внутри партии симпатии СССР были целиком и полностью на стороне «правой» фракции и текущего руководства КПИ. «Левые коммунисты» и КПИ(м) рассматривались как антисоветские силы и потенциальные политические союзники КНР. Но успехи КПИ(м) в отдельных штатах и нейтральная позиция партии в советско-китайском конфликте заставили советское руководство пересмотреть политику по отношению к этой политической силе. Начиная со второй половины 1960-х гг. СССР старался развивать отношения одновременно с обеими главными коммунистическими силами Индии. Ключевыми источниками являются документы советского посольства в Дели, впервые вводимые в научный оборот.

Ключевые слова: Южная Азия, Коммунистическая партия Индии, советско-китайский раскол, советско-индийские отношения, маоизм.

Для цитирования: Спектор И.Б. Трансформация советских связей с коммунистическим движением Индии в 1960-е гг.: от борьбы с «прокитайскими сектантами» к поддержке единства левых сил. *Восток (Oriens)*. 2022. № 1. С. 128–140. DOI: 10.31857/S086919080016330-0

TRANSFORMATION OF THE SOVIET TIES WITH INDIAN COMMUNIST MOVEMENT IN THE 1960s: FROM THE STRUGGLE WITH “PRO-CHINESE SECTARIANS” TOWARDS THE LEFT UNIFICATION POLITICS

© 2022

Ilya B. SPEKTOR ^a

^a – Institute of Asian and African Studies,
Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
ORCID: 0000-0003-3124-6938; spektorilya93@gmail.com

Abstract: *The history of the Communist party of India is important due to the party's activities during the struggle for the country's independence and in virtue of its leading position in Indian politics during the period when the government of J. Nehru was in power. Differences between so-called “leftists” and “rightists” in the party lead to the split in the CPI and to the formation of the Communist Party of India (Marxist) which was founded by the leaders of the “leftist” faction. The main reasons of the split were the differences in the attitude of different groups of Indian communists towards the Indian National Congress and the politics of Indian government. At the same time the split related to the foreign politics of India and with the international communist movement. At the first stage of the conflict within the party, the sympathies of the USSR were entirely on the side of the “rightist” faction and the current leadership of the CPI. The “leftist” and the CPI (M) were considered as anti-Soviet group and potential political allies of China. However, the electoral success of the CPI(M) and the neutral position of the party during the Sino-Soviet split changed the attitude of the Soviet government towards this political force. Since the second half of the 1960s the USSR tried to maintain relations with the two main communist parties in India. The key sources are the documents of the Soviet Embassy in Delhi, which are being introduced into scientific circulation for the first time.*

Keywords: South Asia, Soviet-Indian relationships, Communist party of India, Sino-Soviet split, Maoism.

For citation: Spektor I.B. Transformation of the Soviet Ties with Indian Communist Movement in the 1960s: from the Struggle with “Pro-Chinese Sectarrians” towards the Left Unification Politics. *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 1. Pp. 128–140. DOI: 10.31857/S086919080016330-0

Коммунистическая партия Индии (далее – КПИ) сохраняла единство до начала конфликта в международном коммунистическом движении, вызванного противостоянием между СССР и КНР. Окончательный раскол компартии в 1964 г. часто связывается именно с борьбой «промосковской» и «пропекинской» фракций в руководстве КПИ. Однако вышедшая из КПИ Коммунистическая партия Индии (марксистская; далее – КПИ(м)) не разорвала окончательно все отношения с СССР. Конечно, советская сторона всегда отдавала предпочтение «промосковской» КПИ, но сам факт одновременных связей КПСС с двумя компартиями одной страны создал уникальный для истории международного коммунистического движения прецедент.

В 1962 г. противоречия внутри КПИ стали очевидны даже для внешних наблюдателей, однако они существовали и до этого, правда, в более скрытой форме. Впрочем, периодически это противостояние переходило в открытый конфликт. Наиболее ярким примером служат события 1948–1951 гг., позднее объявленные в официальной партийной историографии периодом «левацкого авантюризма». На II съезде партии в Калькутте в марте 1948 г.

руководство КПИ, ориентировавшееся на сотрудничество с Индийским национальным конгрессом (далее – ИНК), подверглось жёсткой критике со стороны внутрипартийной оппозиции. Генеральный секретарь КПИ П.Ч. Джоши был обвинён в «мелкобуржуазном оппортунизме» и смещён с занимаемой должности [Windmiller, 1959, p. 273]. Власть перешла к предводителям радикального крыла компартии, отрицавшим какую-либо политическую субъектность правительства Дж. Неру и ориентировавшихся на скорейшую «народно-демократическую революцию». Курс нового генерального секретаря Б.Т. Ранадиве, направленный на поддержку вооружённого восстания в Телангане, привёл к аресту большей части руководителей КПИ и фактическому запрету деятельности партии. В 1951 г. партия всё же признала индийскую конституцию и приняла участие в первых парламентских выборах. Окончательно курс на силовое противостояние был свёрнут после тайной поездки группы партийных лидеров в СССР в 1951 г. и избрания А. Гхоша генеральным секретарём партии в мае того же года.

Исключённый ранее из КПИ «оппортунист» П.Ч. Джоши был восстановлен в партии, одновременно в её составе остались сторонники «радикальной линии» – экс-генсек Ранадиве, вдохновитель восстания в Телангане П. Сундарайя и др. В общем и целом конфликт, разгоревшийся на съезде в Калькутте, не был исчерпан, завершилась лишь его активная фаза. Главный вопрос заключался в том, какое место должна была занимать КПИ в индийской политической системе. Первым вариантом была роль противовеса «силам реакции» (прежде всего партиям Бхаратия джана сангх и Сватантра) при фактическом признании монополии ИНК на власть; вторым – роль инструмента борьбы с ИНК за власть хотя бы на региональном уровне.

Особенно осложнилась ситуация для КПИ после улучшения советско-индийских отношений в 1955 г. и пересмотра советской политики по отношению к развивающимся странам по итогам XX съезда КПСС. Беспокойство руководства КПИ вызывали появлявшиеся в советской печати утверждения о том, что экономическая и социальная программа правительства Неру обеспечивает путь Индии к социализму.

В руководстве КПИ существовала группа функционеров, для которой были неприемлемы сами разговоры об отказе от борьбы за власть. Прежде всего это были «левые сектанты», управлявшие партией на рубеже 1940–1950-ых гг. Помимо этой группы всё большую роль начинали играть руководители ряда региональных отделений.

Одной из особенностей развития коммунистического движения в Индии была неравномерность влияния компартий в различных регионах. КПИ являлась главной оппозиционной силой в ряде южных штатов и в Западной Бенгалии, но не пользовалась популярностью в хиндиязычных штатах. Наибольшим влиянием коммунисты обладали в Керале: компартия в 1956 г. активно поддержала создание этого штата [Nossiter, 1982, p. 119], а уже в следующем году она победила на местных выборах и сформировала коалиционное правительство, которое возглавил Э.М.С. Намбудирипад – глава керальского отделения компартии. Это правительство достаточно быстро прекратило своё существование в результате давления из Дели, но Намбудирипад и лидер влиятельнейшей западнобенгальской организации КПИ Дж. Басу начинали играть всё более самостоятельную роль, постепенно выходя из подчинения центральному руководству КПИ.

К моменту отставки коммунистического правительства в Керале внутри партии уже заметно выделялись нескольких течений, но ряд событий на рубеже 1961–1962 гг. сделал раскол КПИ фактически необратимым. XXII съезд КПСС усилил неприятие «левыми» в КПИ «ревизионистского» курса советского руководства. Вскоре после съезда в январе 1962 г. умер генеральный секретарь КПИ А. Гхош. Он занимал свой пост одиннадцать лет, всё это время являясь посредником между «правыми» и «левыми». Кроме того, нахождение

этнического бенгальца на высшем посту сглаживало противоречия между региональными группами в компартии.

Борьба за лидерство в КПИ развернулась между Намбудирипадом и Ш. Данге, одним из самых видных коммунистических политиков Махараштры. Бывший глава коммунистического правительства в Керале не ассоциировался однозначно с «левыми», однако поддерживался ими против Данге. Последний имел за плечами гораздо больший политический опыт: он был одним из руководителей коммунистического движения ещё в 1920-ые гг. и побывал на скамье подсудимых на знаменитом Мирутском процессе [Девяткина, 1978, с. 115]. В ходе кризиса 1948 г. Данге вместе с тогдашним главой партии Джоши был причислен к «правым оппортунистам». Впрочем, из партии он исключен не был, а во время поездки в Москву в 1951 г. представлял «умеренное» крыло КПИ. Данге однозначно воспринимался как лидер «правых» и человек, безусловно поддерживающий курс КПСС после XX съезда. В конечном счёте было принято компромиссное решение об учреждении должности «председателя партии», которую занял Данге. Пост же генерального секретаря достался Намбудирипаду, чьи полномочия были очень сильно урезаны [Куцобин, 1985, с. 239].

Именно при двойном руководстве Данге и Намбудирипада перешёл в острую фазу индийско-китайский пограничный конфликт, актуализировавший для индийских коммунистов проблему выбора между декларируемыми интернационалистическими принципами и индийским патриотизмом. КПИ сталкивалась с подобным и за двадцать лет до этого: в 1942 г. партия, вопреки мнению многих своих рядовых членов, отказалась поддержать гандистскую кампанию гражданского неповиновения. Тогда КПИ фактически оказалась в политической изоляции, и сейчас Ш. Данге старался не допустить повторения аналогичной ситуации.

Позиция КПИ в период войны отличалась двойственностью. Общенациональное партийное руководство стремилось предотвратить конфликт: ещё на встрече лидеров КПИ с китайским послом в апреле 1959 г. даже лидер «левых» Ранадиве советовал китайцам атаковать не Неру, а «реакционеров» [Basu, 2016, p. 203]. Во время войны руководство партии заявило о своих разногласиях с линией КПК. В опубликованной в партийном журнале “New Age” статье Г. Адхикари говорилось, что «если пролетарский интернационализм означает соглашательство со всем, что говорит великая социалистическая держава, независимо от фактов и принципов, то тогда мы признаёмся в предательстве такого пролетарского интернационализма» [РГАСПИ, ф. 495, д. 34, оп. 213, л. 145].

Адхикари выражал мнение «правых» и центрального руководства КПИ. Но одновременно многие руководимые «левыми» региональные партийные организации заняли противоположную позицию и открыто поддержали власти КНР. Подобная позиция привела к арестам ряда лидеров «левых» в 1962 г. Среди членов компартии было распространено подогреваемое китайской пропагандой убеждение в том, что именно руководство партии во главе с Данге сдавало списки несогласных с генеральной линией индийской полиции [Basu, 2016, p. 206].

Именно в ходе конфликта с КНР группировки в индийской компартии оформились окончательно, и последовавшее осенью 1962 г. заседание Национального совета КПИ в Хайдарабаде прошло в атмосфере межфракционной борьбы. В справке Комитета государственной безопасности СССР [РГАСПИ, ф. 495, д. 44, оп. 213, л. 39–40] говорится о попытках «левых сектантов» и «прокитайских элементов» внести резолюцию, критикующую решения XXII съезда КПСС. Также критике «леваков» за публичные заявления с осуждением КНР подверглись сторонники Данге (Р. Сардesai и Г. Адхикари). Одним из основных требований «сектантов» была передача «конфиденциальной переписки с братскими партиями» (т.е. с КПСС) для ознакомления всем

членам нацсовета. Лидерами «сектантов» авторы справки КГБ называли Ранадиве и Сундарайю, т.е. предводителей «левацкого уклона» 1948 г.

В свою очередь оппозиционеры также пытались донести свою позицию до советского посольства. Намбудирипад 16 февраля 1963 г. встретился с послом СССР И.А. Бенедиктовым и передал ему записку с критикой положения в партии [РГАСПИ, ф. 495, д. 322, ч. 1, оп. 213, л. 204]. По словам Намбудирипада, с запиской также были ознакомлены Б. Гупта и А.К. Гопалан, лидеры фракций КПИ в верхней и нижней палатах парламента.

В записке, которую Намбудирипад попросил Бенедиктова передать в ЦК КПСС, говорилось о назревающем в партии расколе. Намбудирипад в данном случае не позиционировал себя как представитель «левых», но отмечал, что партийное руководство проводит в корне неправильную политику в отношении этой группы и что «с этими товарищами будет невозможно работать, когда они выйдут из тюрем» [РГАСПИ, ф. 495, д. 322, ч. 1, оп. 213, л. 204]. В содействии правительственным репрессиям против «левых» Намбудирипад напрямую не обвинял Данге, но подчёркивал, что руководство КПИ требовало освобождения только коммунистов, «известных своими антикитайскими настроениями» [РГАСПИ, ф. 495, д. 322, ч. 1, оп. 213, л. 205]. Сам Намбудирипад из-за разногласий со сторонниками Данге был вынужден в конце февраля уйти в отставку с поста генерального секретаря [Singh, 1987, p. 121].

У советских дипломатов представление о ситуации в КПИ формировалось по итогам встреч с региональными партийными руководителями. Например, 11 марта 1963 г. посол Бенедиктов принимал Х.К. Вьяса, лидера компартии в штате Раджастан [РГАСПИ, ф. 495, д. 39, оп. 213, л. 25]. Вьяс демонстрировал крайне оптимистический взгляд на ситуацию, утверждая, что позицию Намбудирипада поддерживает лишь небольшая группа – «левые» в большинстве только в Западной Бенгалии, все остальные же партийные организации «стоят на правильных позициях».

Пример Вьяса во многом можно считать показательным. Оптимистичные высказывания конкретно в его случае были небезосновательны: на выборах 1967 г. КПИ получила в Раджастане в полтора раза больше голосов, чем «раскольническая» КПИ(м). Вместе с тем безусловную преданность Москве демонстрировали прежде всего представители второстепенных партийных организаций хиндиязычных штатов. Таким образом, в советском посольстве формировался несколько искажённый взгляд на положение в КПИ.

Озабоченность советской стороны вызывала лишь ситуация в Западной Бенгалии – цитадели «леваков». Слабость позиций партийного руководства в штате признавал в беседе с послом и Данге [РГАСПИ, ф. 495, д. 351, оп. 213, л. 163]. Тем не менее положение в остальных штатах, в том числе и в Керале, не вызывало тревоги. В этот период в советской аналитике прослеживается тенденция практически полностью сводить проблемы в КПИ к китайскому влиянию и объяснять все противоречия в партии борьбой между сторонниками КНР и СССР. Особую тревогу советской стороны вызывала деятельность китайских учреждений в Калькутте и их связи с лидерами бенгальских левых – Дж. Басу и П.Д. Гуптой [РГАСПИ, ф. 495, д. 322, ч. 1, оп. 213, л. 194].

Однако недовольство партийным курсом высказывали не только «прокитайские элементы». Например, в ноябре 1963 г. с советским послом встретился П.Ч. Джоши, экс-председатель компартии, заклеянный на съезде в Калькутте как «правый оппортунист» [РГАСПИ, ф. 495, д. 322, ч. 1, оп. 213, л. 21]. Джоши при всём желании невозможно было отнести к симпатизантам Пекина, тем не менее он тоже не удержался от критики Данге. Джоши обвинял текущее руководство КПИ в разбазаривании партийных денег, действиях в ущерб интересам западнобенгальской организации и чрезмерном продвижении маратхов (обвинение тем более интересно, что сам Джоши – не бенгалец и не маратх). Джоши осуждал «твердолобых леваков», но одновременно называл Данге ревизионистом.

Итак, можно констатировать, что к концу 1963 г. самые разные группы внутри компартии были недовольны руководством Ш. Данге. Причиной недовольства могли быть как резкие антикитайские высказывания председателя, так и его чрезмерная уступчивость правительству Неру по основным внутривнутриполитическим вопросам. Кроме того, на это накладывались противоречия между региональными отделениями компартии и финансовые претензии к Данге, контролировавшему партийные доходы. Несмотря на все эти проблемы, оппозиция долго не могла решиться на открытое выступление. Предварительно делались попытки объяснить свою позицию советским дипломатам и прояснить отношение СССР к возможным переменам внутри КПИ.

Большую роль в таких переговорах играл Намбудурипад, не имевший у советской стороны репутации «левого сектанта». На встрече с советским послом 18 ноября 1963 г. Намбудурипад заявил, что его позиция по всем международным вопросам полностью совпадает с линией КПСС. Бывший глава правительства Кералы прямо высказался об ошибочной, с его точки зрения, советской политике по отношению к компартии: «Вы [СССР] симпатизируете нынешнему большинству Нацсовета за их поддержку советской линии в споре с КПК, а они, по моему глубокому убеждению, нанесли страшный вред авторитету КПСС и дискредитировали решения XXII съезда, создав у рядовых партийцев впечатление, что решения XXII съезда означают поддержку КПСС правительства Неру» [РГАСПИ, ф. 495, д. 322, ч. 1, оп. 213, л. 186]. Судя по всему, Намбудурипад пытался получить от советской стороны согласие на отстранение Данге от руководства, но успеха не добился.

На момент этого разговора КПИ уже фактически находилась на грани раскола. Об этом свидетельствовали и источники КГБ: ещё в сентябре 1963 г. лидеры «сектантов» Гопалан и Сундарайя планировали выход из партии [РГАСПИ, ф. 495, д. 354, оп. 213, л. 62] нет в списке литературы. Формального разделения не произошло, но уже в последние месяцы 1963 г. в КПИ существовал параллельный центр принятия решений, и даже в среде партийной оппозиции не было единства мнений по поводу дальнейших действий. Об этом свидетельствует совещание оппозиционеров, прошедшее 25–27 декабря 1963 г. в Дели в офисе Всеиндийского крестьянского союза (далее – ВКС) – организации, тесно связанной с КПИ. Работавшие в Дели сотрудники КГБ, получившие информацию о встрече оппозиционеров, считали ВКС однозначно прокитайской организацией, самостоятельно поддерживающей контакты с китайским и северокорейским посольствами [РГАСПИ, ф. 495, д. 322, ч. 1, оп. 213, л. 177]. Помимо главы ВКС Гопалана на встрече присутствовали многие лидеры будущей КПИ(м) – Дж. Басу, Х.С. Сурджит, П. Сундарайя и др. Многие участники встречи выразили резко отрицательную позицию относительно советской политики, «пытающейся настроить индийских коммунистов против Китая». Они сослались на такое же мнение Намбудурипада, который на встрече не присутствовал. Сундарайя же предложил немедленно заявить о полной поддержке курса КПК и создать собственную политическую силу, утверждая, что подобный шаг будет полностью поддержан Пекином. Не вполне понятно, кто именно из участников встречи передал информацию советской стороне, но в любом случае с точки зрения советских наблюдателей, на конец декабря 1963 г. любая оппозиция в КПИ однозначно ассоциировалась с прямым пекинским влиянием.

В начале марта 1964 г. связанный с левой фракцией КПИ журналист Д. Нанди объявил об обнаружении в Национальном архиве т.н. «писем Данге», уличавших председателя компартии в сотрудничестве с британской полицией. Найденные документы вскоре были опубликованы в бомбейской прессе. Вопрос о подлинности писем и о характере связей Данге с британскими властями до сих пор остаётся дискуссионным. В любом случае репутация председателя Данге в глазах большинства членов компартии уже к началу 1964 г. выглядела достаточно испорченной. Достаточно вспомнить, что оппозиционеры были склонны

считать, что именно партийное руководство передаёт полиции списки «прокитайских элементов». В этой ситуации любые сомнения трактовались не в пользу обвиняемого.

Вместе с тем перед оппозиционерами стояла ещё одна важная задача: помимо дискредитации Данге в глазах членов КПИ следовало попытаться убедить в достоверности обвинений и советскую сторону. С этой целью Ш.С. Мираджкар, ветеран рабочего движения и экс-мэр города, встретился с И.М. Харченко, советским консулом в Бомбее.

Мираджкар ранее не рассматривался советской стороной как явный сторонник «левых сектантов» – тем больший интерес для советских дипломатов должна была представлять рассказанная им история. По словам Мираджкара, он впервые увидел компрометирующие Данге документы в 1930 г., когда в качестве подсудимого на Мирутском процессе ознакомился с собственным следственным делом [РГАСПИ, ф. 495, д. 50, оп. 213, л. 22]. В тот период Мираджкар не стал выступать с разоблачениями Данге, чтобы не бросать тень на репутацию партии. Но после публикации писем Данге 34 года спустя он решил выступить с открытым заявлением. Вскоре Мираджкар был вызван в Дели, где с ним беседовали Г. Адхикари и С.В. Гхате (позднее возглавивший комиссию по изучению подлинности «писем Данге»). Мираджкара безрезультатно убеждали опровергнуть подлинность писем в печати. Советскому генконсулу Мираджкар сообщил о регулярно поступающих анонимных угрозах, выразив возмущение «засильем Данге».

Трудно сказать, какие из сообщённых Мираджкаром Харченко сведений имели отношение к действительности. Эпизод случайного знакомства с компрометирующими Данге документами в 1930 г. вызвал у советских дипломатов обоснованные сомнения. Представляется важным то, что будущие основатели КПИ(м) не оставляли надежд заручиться поддержкой советской стороны в развивающемся конфликте.

Окончательный раскол партии показал в том числе и то, что усилия «левых» не увенчались успехом – поддержка советской стороны полностью осталась за группой Данге, сохранившей за собой название КПИ. Официальное отношение советского правительства к происходящему иллюстрирует опубликованная в «Правде» статья «Призыв к единству» [Правда, № 175, 23 июня 1964, с. 3]. В ней указывается, что действия «левой группировки» полностью направляются Пекином. Автор статьи отделяет «левых» от «центристов» – Басу и Намбудурипада. Отмечается, что именно объединение левых с центристами представляет для компартии наибольшую опасность и вызывает «бурное ликование в лагере индийской реакции».

Трибуной для сторонников Данге были подконтрольные КПСС международные коммунистические издания – например, журнал «Проблемы мира и социализма», где осенью 1964 г. была опубликована статья Г. Адхикари «Проблема некапиталистического пути развития Индии и государство национальной демократии» [ИМус, № 11(75), 1964 г., с. 37–44], объясняющая причины раскола. По утверждению Адхикари, большая часть компартии придерживается концепции «национальной демократии» – союза коммунистов с прогрессивной буржуазией, «объективно заинтересованной в уничтожении феодализма». Против этого курса выступают «левосектанты», ложно обвиняющие руководство КПИ в ревизионизме и социал-демократическом уклоне. В провоцировании конфликта внутри индийской компартии прежде всего виновно руководство КНР.

Позиция советского руководства в этот момент максимально сближается с позицией Данге и Г. Адхикари. «Полевение» индийских коммунистов могло как усилить реакционные партии (Сватантра, Бхаратия джана сангх, правая часть Конгресса), так и укрепить позиции Китая. Кроме того, у советской стороны сложилось впечатление об организационной слабости вышедшей из компартии группы.

В первые месяцы после раскола компартии достаточно затруднительно было оценить реальный масштаб произошедшего. Оставалось неизвестным, каким именно будет влия-

ние «параллельной компартии» – так в советских документах стали называть КПИ(м). Проверкой истинного соотношения сил стали прошедшие в начале 1965 г. выборы в Керале, ключевом штате для всех левых движений. Это было первое значимое голосование после раскола компартии. Керала являлась родным штатом для ведущих деятелей КПИ(м) – Намбудирипада и Гопалана, поэтому руководители КПИ были осторожны в прогнозах, допуская сравнительно успешное выступление «параллельной компартии». 2 марта 1965 г. Р. Чандра, секретарь НС КПИ, в ходе беседы с советским послом сделал прогноз относительно результатов выборов, которые должны были быть оглашены в ближайшие дни. Чандра считал, что из 133 мест в законодательной ассамблее КПИ получит 20–22 места, «левые» же – 20 [РГАНИ, ф. 5, д. 710, оп. 50, л. 29].

Результаты выборов стали огромным разочарованием для КПИ. Партия получила всего 3 места в законодательной ассамблее, тогда как «раскольники» завоевали места в 40 округах. КПИ(м) обошла ИНК и сформировала крупнейшую по численности фракцию [State Election, 1965 to the Legislative Assembly of Kerala, 1965, p. 8].

Выборы в Керале ознаменовали начало перемен в советской политике по отношению к индийскому коммунистическому движению. Именно с марта 1965 г. наблюдается смена риторики как советских дипломатов, так и «просоветских» коммунистов, окончательно признаётся влияние КПИ(м), а основной целью провозглашается преодоление последствий раскола.

Уже через несколько дней после оглашения результатов выборов в Керале генеральный секретарь КПИ Р. Рао, занявший этот пост после ухода Намбудирипада в КПИ(м), в беседе с советским послом посетовал на успешную работу китайцев среди индийских коммунистов, указав, что «китайская пропаганда, несмотря на всю её порочность, достигает больших результатов и является более эффективной» [РГАНИ, ф. 5, д. 710, оп. 50, л. 33]. Также Рао посетовал на отсутствие адекватного освещения истинных масштабов советской помощи Индии, а также на то, что Китай предстаёт единственным борцом против империализма. «Леваки <...> получают всю информацию о позиции КПК по тому или иному поводу и сразу же публикуют её в своих печатных изданиях. Мы же не имеем этой возможности». Сам председатель КПИ Данге в разговоре с послом объяснил успех КПИ(м) в Керале «опportunистической тактикой» и заключением соглашений с буржуазными партиями – например, с Мусульманской лигой. Тем не менее даже Данге признал, что пленум КПИ после выборов начал работу «в обстановке деморализации среди многих членов партии» [РГАНИ, ф. 5, д. 710, оп. 50, л. 45].

О понимании в СССР серьёзности сложившейся обстановки свидетельствует справка посольства о положении в компартии, составленная в августе 1965 г. [РГАСПИ, ф. 495, д. 39, оп. 213, л. 12]. В этом документе констатируется, что КПИ «серьёзно ослаблена расколом», а ушедшие в КПИ(м) деятели (Намбудирипад, Басу и Гопалан) «пользовались авторитетом среди всех членов партии». Представители посольства впервые говорят о возможности налаживания контактов с умеренным крылом КПИ(м), которое опасается радикалов-маоистов.

Аналогичная угроза раскола существовала и в самой КПИ. Часть деятелей партии, отрицательно относившихся к китайской политике и не поддерживавшая обвинения Данге в сотрудничестве с британской полицией, тем не менее разделяла остальные претензии «левых» и считала, что председатель должен уйти в отставку или отправиться на длительное лечение в СССР, чтобы дать возможность «здоровым силам» в КПИ и КПИ(м) преодолеть раскол. Весьма характерны высказывания лидера «просоветских» коммунистов в Западной Бенгалии С. Лахири на встрече с первым секретарем советского посольства Б.И. Ключевым в июне 1965 г. [РГАСПИ, ф. 495, д. 44, оп. 213, л. 27]. Лахири начал с рез-

кой критики партийного руководства, утверждая, что «всё имущество партии записано на имя Данге, его дочери и зятя <...> доверия к Данге в партии нет». Кроме того, Лахири фактически поддержал обвинения «левых» годичной давности отметив, что «часто [членами партии] задаётся вопрос: как можно было доверить все партийные средства бывшему английскому агенту?». В итоге он обратился с прямой просьбой к советскому посольству оказать давление на Данге хотя бы в вопросе распоряжения партийными финансами, а в идеале – убедить председателя подать в отставку.

«Легитимным» способом налаживания контактов КПИ(м) и сотрудников советского посольства были просьбы о лечении членов партии в СССР. С такими прошениями для некоторых своих однопартийцев, недавно вышедших из заключения, ранее обращался Намбудирипад, и уже в октябре 1965 г. обсуждалась вероятность поездки Сундарайи на лечение в Москву. По поводу полезности подобной поездки сотрудники посольства консультировались с генсеком КПИ Р. Рао. Последний, несмотря на высказанное замечание о том, что Сундарайя «много сделал для дискредитации СССР среди рядовых представителей левацкой партии», в целом счёл, что подобная поездка будет способствовать уменьшению китайского влияния на КПИ(м) [*РГАСПИ*, ф. 495, оп. 213, д. 50, л. 17]. Действительно, во время нахождения в СССР Сундарайя говорил о том, что отдельные антисоветские выступления связанной с КПИ(м) прессы не являются позицией всего партийного руководства, а разногласия с КПИ касаются только внутривнутриполитических вопросов.

Кроме того, контакты советского посольства и «левых» в первой половине 1965 г. были связаны с борьбой за освобождение политических заключённых. Непосредственно после учредительного съезда КПИ(м) многие руководители партии были арестованы. Ряд деятелей КПИ, в обход позиции Ш. Данге, выступили в их защиту. В советской прессе также публиковались требования освобождения «арестованных коммунистов» Ранадиве и Гопалана без указания их принадлежности к КПИ(м) [*Правда*, № 247, 4 сентября 1965, с. 5].

Настроения в пользу объединения господствовали на пленуме КПИ в апреле 1965 г. В посвящённом этому событию сообщении посольства признаётся, что «настроения среди партийного руководства на уровне штатов и дистриктов в пользу достижения единства действий по конкретным вопросам с “левыми” коммунистами также создают известное давление на центральное руководство КПИ» [*РГАНИ*, ф. 5, оп. 50, д. 710, л. 146]. На пленуме произошла фактическая легализация сотрудничества с КПИ(м) на муниципальном уровне и впервые была теоретически признана возможность «единого фронта». Кроме того, участники пленума одобрили создание комиссии, расследующей финансовую деятельность Данге.

На волне успеха противниками Данге была предпринята попытка устранения председателя от власти, изменения курса партии и воссоединения с КПИ(м). Инициатором подобных действий был Б. Гупта, лидер фракции КПИ в верхней палате, а с 1956 г. – член политбюро КПИ и редактор партийного журнала “New Age”. До раскола Гупта как и Намбудирипад, стремился быть посредником между фракциями, но, в отличие от последнего, после раскола остался в КПИ. В июне 1965 г. Гупта передал советнику советского посольства А.А. Родинову меморандум о положении в партии [*РГАНИ*, ф. 5, д. 710, оп. 50, л. 170]. В письме Гупты говорилось, что Данге ложно обвинял всех «левых коммунистов» в сотрудничестве с КНР, одобрял действия индийской полиции и аресты левых и что он «фактически ничего не делает для сближения двух компартий в Индии». Между тем «левая компартия» стремительно увеличивает своё влияние за счёт КПИ и на следующих всеобщих выборах последняя может потерять полное положение. Гупта настаивал на том, что смещение Данге может быть единственным способом восстановить влияние партии. Гупта считал, что его поддержат многие руководители партии (например, Х. Мукерджи, глава фракции

в нижней палате) и, в случае поддержки советских товарищей, появится шанс сместить Данге на следующем заседании нацсовета КПИ.

Судя по всему, действия Гупты по привлечению новых сторонников не увенчались успехом. Остальные лидеры КПИ слишком боялись нового раскола. Перед сессией нацсовета в августе 1965 г. Гупта потребовал отставки Данге, пригрозив выходом из партии, но уже через несколько дней после ряда кулуарных встреч он отказался от своего ультиматума, признал собственные ошибки и публично примирился с Данге. В среде членов КПИ ходили слухи о том, что недавно вернувшиеся из СССР члены НС рассказали Гупте о крайне негативной реакции на его действия в Москве [*РГАСПИ*, ф. 495, д. 351, оп. 213, л. 132].

Несмотря на крах проектов форсированного сближения с КПИ(м), интенсивность контактов только нарастала, причём имели место и прямые связи советской стороны с «левыми» без участия КПИ. Лидеры «параллельной партии» первоначально не принимались представителями посольства, контакты с ними возобновляли люди, формально находящиеся вне официальной иерархии – например, корреспонденты советских СМИ. Данге и другие лидеры КПИ боялись, что советская сторона установит с КПИ(м) официальные контакты, пригласив её представителей на съезд КПСС. Последнего не случилось: с точки зрения международных связей КПСС, КПИ и КПИ(м) так и не были уравнены в правах, однако, с точки зрения советской внешней политики, взаимодействие с КПИ(м) было необходимым.

Новый курс отражает подготовленная в сентябре 1965 г. справка международного отдела ЦК КПСС [*РГНИ*, ф. 5, д. 710, оп. 50, л. 296–299]. Авторы справки признавали кризисное положение в КПИ и быстрое усиление влияния КПИ(м). Одной из причин, которые привели к такой ситуации, называются «националистические и правоопортунистические взгляды» Данге и его ближайшего окружения; любопытно, что в этом случае авторы справки фактически повторили недавнюю аргументацию «прокитайских сектантов». Также в справке отмечалось, что в официальных документах КПИ(м) нет выпадов против СССР, а многие лидеры «параллельной партии» весьма критически настроены по отношению к КНР. Отмечалось, что Данге полностью поддерживает политику ИНК и это плохо влияет на репутацию «просоветской» компартии – это утверждение также неоднократно появлялось в беседах советских дипломатов с оппозиционерами внутри КПИ. Выводом справки был тезис о том, что часть лидеров КПИ(м) хочет объединения левых сил, и потому посольство СССР должно всячески содействовать подобным процессам перед приближающимися всеобщими выборами.

Можно констатировать, что в 1962–1964 гг. конфликт внутри коммунистического движения воспринимал советской стороной исключительно в рамках борьбы с «прокитайскими сектантами». Кроме того, оппозиция в КПИ считалась меньшинством, а после оформления раскола в 1964–1965 гг. ожидался быстрый раскол «параллельной компартии». С начала 1965 г. происходит изменение оценки ситуации, признается влияния КПИ(м) и налаживаются первые осторожные контакты с этой политической силой. Одновременно происходили изменения и в самой КПИ(м): она встраивается в индийскую парламентскую систему и дистанцируется от культурной революции в Китае. Сформировавшиеся к концу 1960-х гг. отношения КПСС и КПИ(м) можно сравнить с отношениями СССР и теми государствами социалистического лагеря, которые не приняли чью-либо сторону в советско-китайском конфликте, как, например, КНДР. К концу 1960-х гг. лидеры КПИ(м) и КПИ декларировали курс на единство левых, но фактически предвыборные союзы заключались только на региональном уровне и были неустойчивы из-за связей руководства КПИ с правительством. Формирование «Левого фронта» завершилось уже после окончания периода чрезвычайного положения 1975–1977 гг. и отстранения Данге от власти в КПИ.

СОКРАЩЕНИЯ/ABBREVIATIONS

ПМиС – Проблемы мира и социализма [PMiS – Problems of Peace and Socialism]

РГАНИ – Российский государственный архив новейшей истории [RGANI – Russian State Archive of Contemporary History]

РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории [RGASPI – Russian State Archive of Socio-Political History]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Запись беседы посла СССР в Индии И. Бенедиктова с Х. Вьясом. *РГАСПИ*. Ф. 495. Д. 39. Оп. 213. Л. 25–27 [Record of the Conversation of the Ambassador of the USSR I. Benediktov with H. Vyas. *RGASPI*. Fund 495. Case 39. Inv. 213. Pp. 25–27 (in Russian)].

Запись беседы посла СССР в Индии И. Бенедиктова с Р. Рао. *РГАСПИ*. Ф. 495. Д. 50. Оп. 213. Л. 17–18 [Record of the Conversation of the Ambassador of the USSR I. Benediktov with R. Rao. *RGASPI*. Fund 495. Case 50. Inv. 213. Pp. 17–18 (in Russian)].

Запись беседы посла СССР в Индии И. Бенедиктова с Э.М.С. Намбудирипадом от 16.02.1963. *РГАСПИ*. Ф. 495. Д. 322. Ч. 1. Оп. 213. Л. 204–206 [Record of the Conversation of the Ambassador of the USSR I. Benediktov with H. Nambudiripad (February 16, 1963). *RGASPI*. Fund 495. Case 322. Part 1. Inv. 213. Pp. 204–206 (in Russian)].

Запись беседы посла СССР в Индии И. Бенедиктова с Э.М.С. Намбудирипадом от 18.11.1964. *РГАСПИ*. Ф. 495. Д. 322. Ч. 1. Оп. 213. Л. 186 [Record of the Conversation of the Ambassador of the USSR I. Benediktov with H. Nambudiripad (November 18, 1964). *RGASPI*. Fund 495. Case 322. Part 1. Inv. 213. P. 186 (in Russian)].

Запись беседы посла СССР в Индии И. Бенедиктова с Ш. Данге. *РГАСПИ*. Ф. 495. Д. 351. Оп. 213. Л. 163–164 [Record of the Conversation of the Ambassador of the USSR I. Benediktov with S. Dange. *RGASPI*. Fund 495. Case 351. Inv. 213. Pp. 163–164 (in Russian)].

Запись беседы первого секретаря посольства Индии в СССР Б.И. Ключева с С. Лахири. *РГАСПИ*. Ф. 495. Д. 44. Оп. 213. Л. 27–30 [Record of the Conversation of the Secretary of Soviet Embassy in India B. Kluyev with S. Lahiri. *RGASPI*. Fund 495. Case 44. Inv. 213. Pp. 27–30 (in Russian)].

Запись беседы посла СССР в Индии И. Бенедиктова о беседе с П. Джоши. *РГАСПИ*. Ф. 495. Д. 322. Ч. 1. Оп. 213. Л. 21–22 [Record of the Conversation of the Ambassador of the USSR I. Benediktov with P. Joshi. *RGASPI*. Fund 495. Case 322. Part 1. Inv. 213. Pp. 21–22 (in Russian)].

Запись беседы советника посольства СССР в Индии А. Родионова с Р. Чандрой. *РГАНИ*. Ф. 5. Д. 710. Оп. 50. Л. 29–33 [Record of the Conversation of the Counselor of Soviet Embassy in India A. Rodionov with R. Chandra. *RGANI*. Fund 5. Case 710. Inv. 50. Pp. 29–33 (in Russian)].

Запись беседы советника посольства СССР в Индии А. Родионова с Ш. Данге. *РГАНИ*. Ф. 5. Д. 710. Оп. 50. Л. 44–46 [Record of the Conversation of the Counselor of Soviet Embassy in India A. Rodionov with S. Dange. *RGANI*. Fund 5. Case 710. Inv. 50. Pp. 44–46 (in Russian)].

Запись беседы советника посольства СССР в Индии А. Родионова с Б. Гуптой. *РГАНИ*. Ф. 5. Д. 710. Оп. 50. Л. 168–172 [Record of the Conversation of the Counselor of Soviet Embassy in India A. Rodionov with B. Gupta. *RGANI*. Fund 5. Case 710. Inv. 50. Pp. 168–172 (in Russian)].

Запись беседы советника посольства СССР в Индии А. Родионова с Р. Рао. *РГАНИ*. Ф. 5. Д. 710. Оп. 50. Л. 33–34 [Record of the Conversation of the Counselor of Soviet Embassy in India A. Rodionov with R. Rao. *RGANI*. Fund 5. Case 710. Inv. 50. Pp. 33–34 (in Russian)].

Перевод статьи Г. Адхикари «Кто несёт ответственность за раскол в КПИ?». *РГАСПИ*. Ф. 495. Д. 34. Оп. 213. Л. 128–145 [Translation of the Article “Who is to Blame for the Split in the CPI” by G. Adhikari. *RGASPI*. Fund 495. Case 34. Inv. 213. Pp. 128–145 (in Russian)].

«Призыв к единству». *Правда*. № 175. 23 июня 1964. С. 3 [“A Call for Unity”. *Pravda*. No. 175. June 23. 1964. P. 3 (in Russian)].

«Решения сессии национального совета компартии Индии». *Правда*. № 247. 4 сентября 1965. С. 5 [“Decisions of the Session of the National Council of the Communist Party of India”. *Pravda*. No. 247. September 4, 1965. P. 5 (in Russian)].

Сообщение генерального консула СССР в Бомбее И.М. Харченко о беседе с С. Мираджкар. *РГАСПИ*. Ф. 495. Д. 50. Оп. 213. Л. 22–24 [The Report of the General Consul of the USSR in Bombay I. Harchenko on Conversation with S. Mirajkar. *RGASPI*. Fund 495. Case 50. Inv. 213. Pp. 22–24 (in Russian)].

Сообщение Комитета государственной безопасности СССР об обсуждении итогов XXII съезда КПСС в КПИ. *РГАСПИ*. Ф. 495. Д. 44. Оп. 213. Л. 39–40 [Report of the State Security Committee of the USSR on the discussion of the results of the XXII Congress of the CPSU in the CPI. *RGASPI*. Fund 495. Case 44. Inv. 213. Pp. 39–40 (in Russian)].

Сообщение Комитета государственной безопасности СССР о деятельности китайской агентуры в Индии. *РГАСПИ*. Ф. 495. Д. 322. Ч. 1. Оп. 213. Л. 194–195 [Report of the State Security Committee of the USSR on the activities of Chinese agents in India. *RGASPI*. Fund 495. Case 322. Part 1. Inv. 213. Pp. 194–195 (in Russian)].

Сообщение Комитета государственной безопасности СССР о деятельности агентуры КПК в Западной Бенгалии. *РГАСПИ*. Ф. 495. Д. 354. Оп. 213. Л. 62 [Report of the State Security Committee of the USSR on the Activities of Chinese Agents in West Bengal. *RGASPI*. Fund 495. Case 354. Inv. 213. P. 62 (in Russian)].

Сообщение Комитета государственной безопасности СССР о собрании «прокитайской» фракции КПИ. *РГАСПИ*. Ф. 495. Д. 322. Ч. 1. Оп. 213. Л. 177–178 [Report of the State Security Committee of the USSR on the meeting of the “pro-Chinese” faction of the CPI [RGASPI. Fund 495. Case 322. P. 1. Inv. 213. Pp. 177–178 (in Russian)].

Сообщение посольства СССР в Индии об итогах апрельского пленума национального совета КПИ. *РГАНИ*. Ф. 5. Д. 710. Оп. 50. Л. 144–148 [Report of the Soviet Embassy in India on the Results of the April Plenum of the National Council of CPI. *RGANI*. Fund 5. Case 710. Inv. 50. Pp. 144–148 (in Russian)].

Сообщение посольства СССР в Индии о положении в КПИ от 26.08.1965. *РГАСПИ*. Ф. 495. Д. 39. Оп. 213. Л. 12–14 [Report of the Soviet Embassy in India on the Situation in CPI. *RGASPI*. Fund 495. Case 39. Inv. 213. P. 12–14 (in Russian)].

Сообщение советника посольства СССР Н. Орлова о сессии НС КПИ. *РГАСПИ*. Ф. 495. Д. 351. Оп. 213. Л. 121–132 [The Report of the Counselor of Soviet Embassy in India N. Orlov about the Session of the National Council of CPI. *RGASPI*. Fund 495. Case 351. Inv. 213. Pp. 121–132 (in Russian)].

Справка Международного отдела ЦК КПСС о положении в КПИ. *РГАНИ*. Ф. 5. Д. 710. Оп. 50. Л. 296–299 [The Report of the International Department of the CPSU on situation in CPI. *RGANI*. Fund 5. Case 710. Inv. 50. Pp. 296–299 (in Russian)].

Адхикари Г. Проблема некапиталистического пути развития Индии и государство национальной демократии. *Проблемы мира и социализма*. 1964. № 11 (75). С. 37–44 [Adhikari G. The Problem of India's Non-Capitalist Path of Development and the State of National Democracy. *Problems of Peace and Socialism*. No 11 (75). Pp. 37–44 (in Russian)].

Девяткина Т.Ф., Егорова М.Н., Мельников А.М. *Зарождение коммунистического движения в Индии: очерки истории*. М.: Наука, 1978 [Devyatkina T.F., Egorova M.N., Melnikov A.M. *The Emergence of the Communist Movement in India*. Moscow: Nauka, 1978 (in Russian)].

Куцобин П.В. *Аджей Гхош и коммунистическое движение в Индии*. М.: Мысль, 1985 [Kutzobin P.V. *Ajoy Ghosh and the Communist Movement in India*. Moscow: Mysl, 1985 (in Russian)].

Election Commission of India – State Election, 1965 to the Legislative Assembly of Kerala. New Delhi, 1965.

Basu S. Manufacturing Radicals: the Sino-Indian War and the Repression of Communists in India. *The Sino-Indian War of 1962: New Perspectives*. Eds. A. Gupta, L. Luthi). New York: Taylor & Francis, 2016.

Nossiter T.J. *Communism in Kerala: A Study in Political Adaptation*. London: Royal Institute of International Affairs, 1982.

Singh C. *Communist and Socialist Movement in India*. New Delhi: Mittal Publications, 1987.

Windmiller M. *Communism in India*. Berkeley: University of California Press, 1959.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

СПЕКТОР Илья Борисович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник кафедры истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия.

Ilya B. SPEKTOR, PhD (History), Junior Researcher, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.